

не одной). Очевидно, альманах можно было бы структурировать, объединив статьи в разделы, в связи с чем концептуальный замысел, изложенный во вводной статье проф. В.И.Кашперского, мог бы быть реализован более четко. Это позволило бы преодолеть элементы неизбежной эклектичности, присущей альманаху, и можно было бы говорить о наличии связующей теоретической идеи, вокруг которой и развертывались бы искания авторов.

В-четвертых, альманах не свободен и от технических погрешностей. Есть немало опечаток, порой искажающих смысл, чего можно было бы избежать, приложив, скажем, в конце книги список замеченных опечаток.

Данные критические соображения, однако, не меняют общего положительного впечатления от альманаха, который будет полезен не только профессиональным философам и обществоведам, но и всем, кто в той или иной форме причастен к интеллектуальной жизни России.

Е.Андрянова, А.Емельяненко

РЕЦЕНЗИЯ НА «СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ» (под. ред. В.Е.Кемерова)

В 1998 году в издательстве «Панпринт» вышло в свет второе издание «Современного философского словаря» под редакцией В.Е.Кемерова. Издание «исправленное и дополненное». Действительно, данный том существенно отличается от своего предшественника — издания 1996 года («Современный философский словарь». Издательство «Одиссей»). Увеличился и авторский коллектив, и объем словаря. Мы видим в этом позитивную тенденцию — значит словарь живет, развивается (и, что немаловажно, пользуется спросом у читателей). О «Современном философском словаре» можно говорить как об оригинальном проекте, родившемся в стенах Уральского университета. И причины для этого, на наш взгляд, имеются.

Стоит ли говорить о том, что если появляется словарь, то, стало быть, в нем была потребность. Но в силу чего возникает такая потребность? Представляется разумным предположить, потребность эта возникает вследствие столкновения и взаимопроникновения двух тенденций. С одной стороны, это возникшая необходимость осветить тематическое и проблемное поле, в котором совершается научная коммуникация, структурировать его терминологически и понятийно. В этом смысле словарь является справочным, дидактическим изданием. С другой стороны, словарь представляет собой способ организации становящегося и формирующегося научного знания. Это способ наглядно представить имеющийся научный потенциал. Словарь в этом смысле оказывается опытом самоосмысления и саморефлексии для его авторов.

Концепция словаря, по замыслу авторов, выстраивается как образ современной философии и призвана являть ее «контуры» и «топику». Выполнение этой задачи осуществляется как «поиск форм связи между традиционными философскими представлениями и концептами философии конца 20 столетия, (намеченный в первом издании)». (из «Предисловия ко второму изданию»). Таковы цель и задачи авторов словаря.

Сама же философия — предмет словаря — видится как «особое место», где реализуется связь между обыденным опытом людей, социальным научным знанием и классическими научными представлениями, обобщающими предшествующий опыт». («Предисловие ко второму изданию»).

Очевидно, что дело создания словаря не ограничивается тем, чтобы собрать под одной обложкой как можно больше терминов и понятий, имеющих хождение в современной философской литературе, и дать им ту или иную трактовку. Повторимся: словарь — это своеобразная форма организации научного знания. Словарь репрезентирует определенную позицию, определенный взгляд на предмет, которого он касается. Именно поэтому появление «Современного философского словаря» может рассматриваться как уникальное и знаковое событие. Почетной задачей для словаря оказывается представлять определенное региональное явление в современной философской культуре нашей страны. Исходя из сказанного нужно заметить, что писать о словаре приходится, подходя к нему с особыми требованиями. С одной стороны, необходимо учитывать специфику самого издания, с другой — попытаться поместить словарь в контекст философской практики. Это, на наш взгляд, поможет понять, как словарь сам себя «вписывает» в современную философию.

Читать словарь, любой словарь, последовательно, как обычный текст, вряд ли возможно. Знакомство со словарем начинается случайно (по отношению к нему), провоцируется интересом читателя. Постепенно, в ходе работы со словарем, в нем обнаруживаются блоки понятий, выявляются узловые моменты. Только после этого можно составить более или менее целостную картину словаря. Как и в живописи, эта «картина» состоит из нескольких слоев, которые проступают, накладываются друг на друга. Другими словами, целостность словаря складывается из множества аспектов. Рассмотреть все их в деталях оказывается слишком трудоемкой задачей. Поэтому мы ограничимся общими замечаниями о словаре в целом, но более подробно остановимся на материале, касающемся гносеологической проблематики.

Прежде всего, следует отметить, что словарь содержит весьма широкий спектр философских терминов — от традиционной философской терминологии до терминологии, введенной в философский оборот в последние десятилетия. (Ср., например: «Автаркия» — «Множественной персональности синдром», «Идея» — «Виртуальное, виртуал, виртуальная реальность»). Надо сказать, что первое издание «Современного философского словаря» концентрировалось в основном на изложении тематики, отсутствовавшей в отечественной науке по историческим причинам. И это было совершенно оправдано — словарь заполнил пустующую нишу в справочной литературе тех лет. В силу этих же причин издание, скорее, носило черты маргинальности и альтернативности по отношению к аналогичной литературе, нежели систематичности в изложении материала. Но, как мы видим, развитие концепции словаря потребовало обращения к философской тематике, носящей традиционный характер. Этот процесс, на наш взгляд, должен вести к формированию концептуальной целостности издания, структурному единству, более строгой систематизации материала. В связи с

этим заметим, заявленная установка связать традиционные философские понятия и современные концепты реализуется в словарных статьях различными способами: обширная историко-философская ретроспектива трактовки понятия (например, «Идея», «Миф», «Символ»), современная трактовка традиционных понятий философии («Бытие», «Движение», «Метафизика»), статьи, освещающие исторические трансформации внутри философских течений и направлений («Позитивизм», «Феноменология», «Рациональное», «Антропология»). Понятно, что такая классификация носит с нашей стороны условный характер и нужна для того, чтобы осветить отдельные стороны словаря. Следует отметить, что словарь содержит и статьи, представляющие собой авторские разработки их создателей (например: «Вера» Д.В.Пивоварова, «Аксиология» В.И.Плотникова, «Деятельность» В.Е.Кемерова, «Гетерология» Т.Х.Керимова и другие).

С другой стороны, развитие концепции словаря обнаружило и явные пустоты с точки зрения систематичности. Поясним, что имеется в виду. Например, ряд статей «Арабская философия», «Античная философия», «Индийская философия» несомненно должен быть продолжен и охватывать и другие философские направления, которые могут быть рубрикованы как национальные философии. Наличие таких статей, как «Атараксия», «Апатия», «Автаркия» логически предполагает, что читатель обнаружит в словаре статьи о кинизме, стоицизме, эпикуреизме. Также кажется естественным, что наряду со статьями «Феноменология», «Аналитическая философия», «Позитивизм», «Экзистенциализм» и т.д. должны быть статьи, посвященные и другим философским течениям, таким, как прагматизм, неокантианство, философия жизни и т.п., которые также в немалой степени определили облик современной философии. Более существенным недочетом словаря оказывается объем материала, касающегося таких философских дисциплин, как этика и эстетика. «Добро и Зло», «Мораль», «Ненасилия этика», «Неригористическая формальная этика» и «Формальная этика» в первом случае и «Искусство» во втором. Несмотря на качественность статей, мы считаем, что данная тематика может быть представлена в более расширенном и углубленном виде. Нужно, однако, сказать, что подобные замечания еще раз указывают на то, что «Современный философский словарь» обретает собственную позицию, прокладывая для себя пути дальнейшего развития, проявляя собственную динамику. Таково общее впечатление, которое складывается при знакомстве с «Современным философским словарем».

Теперь, как и было заявлено, перейдем к рассмотрению гносеологической проблематики, предлагаемой словарем, сохраняя при этом намеченный подход в анализе словаря и помня о позиции авторов. Для того, чтобы более отчетливо обрисовать данный аспект, будем двигаться в определенной логике.

Поскольку необходимо проследить, как разворачивается в словаре гносеологическая проблематика, целесообразно начать обзор со статьи «Гносеология». Терминологически гносеология определяется как «учение о познании, раздел философии, рассматривающий проблемы человеческого познания» [С. 240], к которому относятся «возможности и границы, пути и средства достижения истинного знания, а также роль

познания в бытии человека». Разнообразие тематики гносеологии связывается воедино через понятие познания как специфического вида деятельности, характеризующего бытийные основания человека (отношение к миру, социуму, эволюция индивидуума и общества). К основным темам гносеологии также относится «возникновение, обособление и функционирование науки как особой формы познавательной деятельности» [С. 210]. Таким образом, тематика гносеологии оказывается заданной в рамках социальной и исторической обусловленности познания, что определяет характер статьи в целом. Гносеологическая проблематика соотношения единого и многого, рационального и чувственного, отношения гносеологии к другим наукам и разделам философии трактуется в таком ключе в терминах соотношения «индивидуального» и «социального» опыта. Разрешение гносеологических проблем дается в исторической ретроспективе способов трансформации этого соотношения. В связи с этим собственно гносеологическая проблематика постепенно переносится в сферу взаимодействия гносеологии с «психолого-педагогическими и историко-культурными исследованиями» [С. 211]. Отношение гносеологии к научному знанию также дается в свете «социальной детерминации науки» и социологии науки. В силу «общественной функции познания, как получения нового знания» [С. 212], гносеология в сочетании с другими дисциплинами обретает новые перспективы с изучением и описанием различных видов человеческой деятельности. Гносеология, таким образом, оказывается дисциплиной, рассмотрение проблематики которой происходит целиком в пространстве интересубъективности, характеризуемого понятием «деятельности». Гносеология оказывается вписанной в проблематику социальной философии, в соответствии с чем сам предмет гносеологии описывается в терминах для этого раздела философии не традиционных. С другой стороны, термин «гносеология» никак не соотносится в словаре с термином «эпистемология», традиционным, с его многообразием интерпретаций, для современной западной философии, в связи с чем возникает вопрос о строгости определения термина «гносеология» и разведении его (или не разведении) с термином «эпистемология». По всей видимости, такая задача перед авторами не стояла, и непосредственно эпистемологическая терминология в словаре не затрагивалась.

Следуя намеченной логике развертывания гносеологической проблематики, перейдем к статьям «Знание и Незнание» и «Познание». Две данные статьи предлагают целостную картину взаимосвязи и взаимодействия категорий «познание», «знание», «незнание», выявляя статическую и динамическую характеристики процесса познания. Сопоставление знания и незнания оказывается продуктивным для выяснения психологических моментов познавательного процесса, показывает его субъективную мотивацию. Статья «Познание» актуализирует «знание как момент познания, реализующийся в контексте познания» [С. 656]. При этом здесь больше внимания уделяется «социальной природе познания» [С.658]. Эти моменты позволяют стереоскопически рассматривать диалектическую структуру познавательного процесса — получение знания как «информации, которая с различной степенью достоверности и объективности отражает в сознании человека объективные

свойства и закономерности изучаемых объектов, предметов и явлений окружающего мира» [С. 299] и соответствующего ему незнания — «специфического познавательного структурного образования, направленного на получение нового знания» [С.299]. Кроме того, статья «Познание» предлагает «картину эволюции познания» [С. 657], исходя из характеристик деятельности и социальности познания. Гносеологическая проблематика выступает в виде многообразия трактовок динамики познания и, соответственно, поиска критериев для описания процесса познания. Статья информирует о классической картине эволюции познания, причинах ее кризиса и формах, в которых проявился этот кризис. Как на один из способов разрешения проблемы описания динамики познания указывается на возможность «создания мультипарадигмальных систем познания» [С.659]. Со своей стороны «Знание и Незнание» говорит о возможности существования «научных, художественных, житейских, рациональных, иррациональных» [С.299] знания и незнания. Следуя этим указаниям, обнаруживаем в «Современном философском словаре» следующие статьи: «Вненаучное знание», «Искусство», «Наука», «Религия», «Теология», «Философия», «Мировоззрение».

Остановимся более подробно на теме науки, одной из основных тем гносеологии. Статья «Наука» содержит наиболее общие сведения о понятии, акцентируя деятельностный аспект этого вида знания. Наука проблематизируется в связи с ее социальной функцией. Традиционный образ науки, главной функцией которого является производство знания, вступает в конфликт с реальными проблемами, возникающими в многообразии человеческих практик XX века. Это приводит к изменению образа науки и «необходимости философского обоснования перспектив» [С. 543]. Заметим, что глубокая и основательная разработка описанных в «Науке» проблем содержится в статьях «Классическое, неклассическое, постклассическое», «Обществознание», где подробно излагаются и анализируются ключевые моменты в формировании научности гуманитарного знания с точки зрения методологии. Но несмотря на это эпистемологическая тема, на наш взгляд, не достаточно конкретизирована, что заставляет искать в словаре статью «Философия науки» (которой нет). В качестве аргументации укажем на то, что понятие науки, научности, представляют собой плодотворную почву для эпистемологических исследований. Образ науки, критерии научности, как правило, зависят от эпистемологической парадигмы. Именно поэтому образы науки, которые мы встречаем в таких статьях как, например, «Фальсификация», «Верификация», «Аналитическая философия», «Научное сообщество», «Научный потенциал общества», «Вненаучное знание», «Метод альтернатив», «Операционализм», «Обществознание» не увязываются в целостную картину, дающую представление об исторических и генетических трансформациях проблемы научности.

Следующая статья «Методология», к которой мы обращаемся, так же как и «Гносеология» должна являться центральной и связующей для понимания гносеологической проблематики. Статья «Методология» вновь ориентирует нас на осмысление гносеологической проблематики с точки зрения ее социально-культурного, бытийного значения, проясняя смысл методологии как «учения о методе, науки о построении человеческой деятельности» [С.487]. Гносеологический же интерес ори-

ентирован, на наш взгляд, в несколько ином направлении, а именно: на прояснение функций методологии внутри научного знания. Иными словами, в случае если бы статья «Методология» была написана с точки зрения выявления различных методологических позиций, то такие статьи, как «Антиномизм», «Аллегорический метод», «Диалектика», «Деконструкция», «Интерпретация», «Оценка», «Дедукция» выглядели бы в гносеологическом срезе словаря совсем иначе, может быть, более обоснованно и методологически акцентировано. Перечисленные выше, а также ряд других процедур и методов, занимают в словаре достаточно большую нишу, и это, на наш взгляд, неслучайно. Анализируя статьи «Герменевтика», «Феноменология», «Позитивизм» с гносеологической точки зрения, следует отметить наличие здесь методологии, присущей данным направлениям. Особенно хорошо прописаны методы феноменологии (метод феноменологической редукции, «свободной вариации в фантазии»), выражена их суть. Имеют место также ряд статей, посвященных непосредственно методологии гуманитарного знания, применяемые в том числе и в философии, например, «Интуитивизм», «Структурализм», где очень ясно и четко описано применение методов (в частности антиментальный, дескриптивный подход к языку и дистрибутивный анализ) в различных сферах знания. Это, на наш взгляд, указывает на то, что авторы словаря исходили из твердого убеждения о разделении статей, посвященных определению конкретных направлений в философии, включающих и их специфическую методологию, и статей, посвященных исключительно функциональному аспекту существующей методологии. В качестве поясняющего примера можно отметить статьи «Герменевтика» и «Герменевтический круг», поскольку метод герменевтического круга сегодня применяется не только философами, причисляющими себя к направлению «Герменевтика», а также не только в теории и практике текстуального анализа. В этом плане тогда, вероятно, возможно ожидать в дальнейшем появления статьи «Феноменализм» или «Метод феноменологической редукции» в сочетании с уже имеющейся статьей «Феноменология».

Еще нельзя не сказать о таком значительном блоке, значительном по занимаемому в словаре месту и по значимости в рамках гносеологической проблематики, как логика. Непосредственно в статье «Логика» отмечается два аспекта этого «учения о связях и последовательностях» [С. 450] — онтологический и гносеологический. Оба аспекта представлены в рамках эволюции понимания логической проблематики и логики как таковой. Другой же смысл логики — как особой науки — интересует нас сейчас меньше, хотя именно он в большей мере служит основанием для ряда статей, таких, как «Логика высказываний», «Логика предикатов», «Логика формальная».

Теперь стоит упомянуть о таком условном разделе словаря, как формы организации научного знания. Этот блок содержит следующие статьи «Гипотеза», «Проблема», «Доктрина», «Теория» и т.д. Многообразие описываемых позиций подчинено логике целостной картины, дающей представление о функциях, роли и взаимосвязи проблемы, гипотезы и теории в организации научного и философского знания. При этом в сбалансированном виде излагается точка зрения как различных зарубежных, так и отечественных исследователей. Так, например, ста-

тя «Гипотеза» предлагает психологический, логический, семантический и синтаксический анализ понятия. Статья «Теория» освещает историю возникновения термина, модификацию понятия через рассмотрение соотношения теории и практики, теории и эксперимента, теории и эмпирии, теории и мнения. Анализ теории производится в описании следующих аспектов теории онтологии, структуры, функции, динамики теории, а также интертеоретических отношений и соперничества теорий. Статья «Проблема» дает как общее историко-философское понимание сущности понятия, так и более подробно излагает специфику научной проблемы и проблемы философской. Отметим, однако, что не меньший интерес представляли бы статьи, посвященные роли таких понятий, как тема, концепция и другие — понятий, занимающих не последнее место в научном и философском лексиконе. Конкретизация темы, связанной с формами организации научного знания, в целостном и представляющем узкогносеологический интерес виде представлена в статьях «Нормальная наука», «Метод альтернатив», «Научная школа», «Научное сообщество», «Научный потенциал общества», «Парадигма». Из наиболее значимых для гносеологии концепций науки наиболее полно и явно представлена «теория научных революций» Т.Куна. Изложенная в таком же виде проблематика, связанная с именами Поппера, Лакатоса, Фейерабенда, Лаудана, Патнэма не могла бы не порадовать гносеологически озабоченного читателя.

На этом прервем наше чтение словаря и подведем некоторые итоги, касающиеся гносеологической и эпистемологической проблематики. Последнее различие (гносеологии и эпистемологии), проводимое нами, кажется весьма существенным. Особенно, когда речь идет о словаре, авторами которого был заявлен «поиск форм связей между традиционными философскими представлениями и концептами конца 20 столетия». В нашем словаре мы обнаруживаем только один образ теории познания, сформированный в рамках социальной философии, что представляет собой общефилософский взгляд на проблемы теории познания. Складывается впечатление, что все многообразие познавательных практик может быть понято только с точки зрения социальной философии. Позиция выделения эпистемологической проблематики в качестве отдельного предмета рассмотрения позволила бы ввести другие точки зрения, как традиционные, так и современные. Недостаток, связанный с отсутствием различения гносеологии и эпистемологии, становится наиболее очевидным в статье «Истина». Здесь дается философское значение термина и понятийное его определение. По сути мы имеем дело с определенной концепцией истины. Характер статьи, образ теории познания, предлагаемый словарем, приводят к мысли, что данная концепция истины является приемлемой для любого теоретического построения. Такого догматического подхода можно было бы избежать, если бы имелось различие между истиной как предметом познания вообще и истиной как категорией, концептуально оформляющейся в рамках отдельной теории. Поэтому хотелось бы в дальнейшем ждать от словаря выделения эпистемологической проблематики в отдельно разрабатываемое направление.

Хотелось бы еще раз отметить, что подобный анализ словаря производится с гносеологических позиций и что данная позиция выбрана

нами произвольно. Это просто попытка посмотреть на появившееся оригинальное издание с точки зрения гносеологической проблематики, что отнюдь не исключает возможности взглянуть на него и под другим углом зрения. Мы отдаем себе отчет в том, что создатели «Современного философского словаря», скорее всего, исходили из других позиций и, на наш взгляд, весьма плодотворно использовали их при достижении поставленной цели. Все отмеченные чуть выше замечания, или вернее, моменты, вызывающие какие-то вопросы и побуждающие к дискуссии, стоит воспринимать лишь как пожелания заинтересованных читателей. А тот факт, что словарь не оставляет нас, читателей, равнодушными, говорит о том, что словарь будет продолжать свое существование и развитие, а пределов совершенству, как известно, нет. Поэтому нам ничего не остается как с интересом ждать следующего издания «Современного философского словаря».

Д.С.Петухов

КОММЕНТАРИЙ К РАБОТЕ М.ШЕЛЕРА «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ»

Название данной работы, написанной в 1913—1914 гг., сразу же дает нам представление о структуре философского знания, как она видится автором. Феноменология — это и есть философия в чистом виде, это сердцевина философии. В феноменологии достигается знание сущностей (= самоданностей), т.е. знание истины. Результаты феноменологии не зависят от особой организации человеческой природы и от какого бы то ни было мира.

Феноменология — это философия чистого, абсолютного знания, тогда как теория познания иерархически лежит ниже ее и является философией относительного знания (о теории относительности знания подробнее будет сказано ниже).

Логическая структура работы включает в себя три основных раздела:

1. Изложение основ феноменологии ;
2. Особенности теории познания;
3. Рассмотрение науки с точки зрения феноменологии.

В данном комментарии мы не будем излагать содержание работы. Мы хотели бы показать, что шелеровская «Феноменология и теория познания» это не устаревший, абстрактный и пройденный материал, не очередная утопическая идея обновления философии, а реально работающая схема. Мы продемонстрируем это на примере паблик рилейшнз (в дальнейшемсПР). Естественно, что это в значительной мере упростит логику работы, лишив ее первоначальной глубины. Для многих такое сопоставление, возможно, покажется откровенной профанацией концепции М.Шелера. Как бы то ни было, мы не ставим перед собой цель полностью наложить концепцию Шелера на теорию и практику ПР. Мы берем лишь наиболее характерные моменты работы и пытаемся сопоставить, сравнить их с теорией ПР. Саму возможность такого сопоставления дает, как нам кажется, социология знания. Концепция Шелера оказала большое влияние на ее формирование. Напомним, что М.Шелер был автором самого термина «социология знания»